

**«ОТ ДОСКИ ДО ДОСКИ»: КОНСТРУИРОВАНИЕ МИФА И ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗНАКАХ КОММЕМОРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ МЕМОРИАЛЬНЫХ ДОСОК)**

Аннотация: В статье на примере использования такой широко популярной и в то же время специфической формы коммеморации, как мемориальные доски, рассматривается деятельность основных групп субъектов памяти по сохранению и конструированию целостности советского и современного российского общества. Авторы показывают значение закрепления в памятных знаках «исторического мифа» о событии или герое как образа и символа определенной эпохи, необходимого для формирования идентичности.

Ключевые слова: историческая память, мемориальная доска, коммеморация, идентичность, исторический миф, субъекты памяти.

Об авторах: Беседина Елена Анатольевна, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, e-mail: e.besedina@spbu.ru. Тел. +7(921)-9073176. Буркова Татьяна Вадимовна, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, e-mail: t.burkova@spbu.ru. Тел. +7(911)-234-67-23.

На рубеже XX – XXI вв. резко повысилось внимание как историков, так и представителей других гуманитарных наук к изучению проблем исторической памяти, что позволяет исследователям говорить о «мемориальном повороте», совершаемом в отечественной исторической науке. При этом одним из самых актуальных направлений в *memory studies* можно считать рассмотрение связи исторической памяти и идентичности. По словам А. Меггила, коммеморация становится способом формирования и сохранения сообщества, и значимость этого способа заключается в том, что он дает той или иной социальной группе возможность «подтверждать чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий» [7:116].

Авторы статьи согласны с трактовкой идентичности не как чего-то изначально данного и незыблемого, но как «находящегося в процессе созидания, нуждающегося в постоянном поддержании, подвластного конструированию» [6:63], что во многом предопределяется политическими целями и находит свое выражение в той «политике памяти», которую выстраивают властные структуры.

В цепочке « историческая память – идентичность» есть еще одно неразрывно связанное с названными концептами звено – «исторические мифы». Как представляется, в данном случае под историческим мифом следует понимать «образно-символическое видение прошлого, необходимое для осознания коллективной идентичности того или иного сообщества, репрезентации его целостности, очерчивания его воображаемых границ» [6:80]. Политически, идеологически и духовно значимыми историческими мифами могут выступать не только конкретные исторические события, но и исторические личности, ставшие символами, «знаменем» той или иной эпохи.

К коммеморативным практикам, играющим, благодаря своей ярко выраженной коммуникативной функции, большую роль в сохранении и передаче исторической памяти, в репрезентации исторических событий и имен, имеющих значение образа прошлого, «цементирующего», объединяющего современное общество, относятся мемориальные доски. Особый смысл этих знаков памяти для формирования идентичности, закрепления в массовом сознании исторических мифов, помимо таких их характеристик, как демократичность, легкость в исполнении и внедрении в социокультурное пространство, сравнительная экономичность, заключается в том, что можно выразить формулой «только здесь, и нигде более». С их помощью память о событии или человеке оказывается навсегда и неразрывно связанной с определенным местом, к которому данный исторический факт или персонаж имел прямое и непосредственное отношение. Кроме того, мемориальные доски представляют собой такую форму коммеморации, с помощью которой можно достаточно легко приступить к процессу корректировки идеологических или политических устоев, имеющих значение для формирования идентичности.

Именно эти черты памятных досок активно используют при реализации своих целей акторы политики памяти, будь то государственные структуры или общественные организации и группы. Поставить памятник, возвести монумент или мемориал – дело долгое, достаточно сложное и, что немаловажно, дорогое. Мемориальная же доска может быть довольно проста по исполнению и материалу изготовления, органично вписываться в окружающий городской ландшафт, но тем не менее она решает основную задачу – служит своеобразным маркером «места памяти», подтверждающим идентичность коммеморативным сигналом для все новых и новых поколений граждан. Наконец, мемориальные доски в связи со специфичностью своей формы и бытования в социокультурном пространстве (в том числе легкостью установки и демонстрации) образуют своеобразные коммеморативные «точки», которые позволяют провести зондаж общественного мнения по вопросам сохранения исторической памяти о том или ином историческом событии или герое, отношение к которым в обществе еще не является устоявшимся и определенным.

Для реализации политики памяти и формирования того или иного типа идентичности общества необходима разработка определенной стратегии или «сценария памяти». Одним из таких сценариев, наиболее характерным для периодов формирования национально-государственных мифологий, является «героизация» («глорификация») [6:83]. Примером осуществления сценария героизации в политике памяти нашей страны могут служить коммеморативные практики, направленные на сакрализацию событий и имен Революции 1917 года, и среди них – установка мемориальных досок.

Партия большевиков, как и всякая другая пришедшая к власти политическая сила, стремилась «легитимировать себя, используя значимые для нее события» [11:107], в том числе путем внедрения различных коммеморативных практик. Наибольшее значение при этом приобретала установка мемориальных досок именно в Петрограде-Ленинграде – «колыбели революции». К концу XX столетия в «северной столице» насчитывалось около 150 мемориальных досок, связанных с событиями февраля-октября 1917 года.

К 1980-м годам были выявлены и маркированы все памятные места, так или иначе связанные с жизнью и деятельностью В.И. Ленина в Ленинграде, что стало частью мифологии «ленинианы». Однако ее репрезентация подчас становилась объектом народной иронии и достоянием фольклора: «...В этом доме, как рубль, неизменен,/ Тошнотворно, до жути знаком, /Вездесущий отметился Ленин/ Со своим хохотком-говорком. / Мол, заехал к старинному другу.../Но зачем же тогда на балкон /Вышел – и часовую речугу /Толкнул пролетариям он?» [5].

Следует признать, что за последние десятилетия коммеморативное поле политической жизни России начала XX века расширилось за счет открытия памятных знаков в честь деятелей либерального движения. В частности, авторами выявлено более 30 мемориальных досок, посвященных российским парламентариям [1:61]. Данная коммеморативная практика позволяет ввести их имена в современный официальный политический и общественный дискурс. Инициатива установки этих памятных знаков исходила от различных общественных организаций (например, фонд «Русское либеральное движение») и политических сил, находящихся отнюдь не в центре политического ландшафта современной России, что дало им дополнительную возможность заявить о себе.

С 1960 – 1970-х гг. главным «идентификационным мифом» советского, а затем и постсоветского российского общества становится историческая память о Великой Отечественной войне. Как показывают опросы общественного мнения, Победа 1945 г. является по сути единственным смысловым узлом советской истории, который имеет важнейшее значение для национального самосознания россиян [2:192].

Именные и событийные мемориальные доски, установка которых началась уже в последние годы войны, играют в формировании официального исторического мифа о войне хотя и не первую, но важную роль, являются существенной частью коммеморативного комплекса и позволяют наглядно представить роль различных городов и регионов в достижении Победы над врагом.

Наиболее массовыми формами коммеморации о Великой Отечественной войне, своего рода «дежурным» символом той

войны стали мемориальные доски, посвященные работе эвакуационных пунктов и госпиталей. Однако и они заставляют задуматься о реальном масштабе охватившей всю страну трагедии. Так, из текста памятного знака, установленного на фасаде здания железнодорожного вокзала г. Череповца – первого тылового города Ленинградского фронта, сегодняшний наблюдатель узнает, что с 10 июля 1941 г. по 1 апреля 1943 г. 40-тысячный Череповец принял более 2,5 миллионов эвакуированных жителей Карелии, блокадного Ленинграда, Пскова, Прибалтики и других западных регионов страны.

Задача сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне в возможно более полном объеме ведет как государство, так и общество к поиску новых «ниш» и тем, связанных с суровыми военными годами. Такие поиски приводят, в частности, к установлению «серийных» досок, объединенных общей идеей и оформлением. Примером может служить проект «Согретые Сибирью», осуществляемый в Тюменской области с 2012 г. и предполагающий открытие мемориальных досок в тех городах и селах региона, где в годы войны размещались детские дома и интернаты для эвакуированных детей. Памятные знаки имеют единую форму, структуру текста и художественную композицию. На 2016 г. есть информация об установке 80 таких памятных знаков [10:1].

В 2015 г. по инициативе Российского военно-исторического общества был проведен конкурс на лучший образец мемориальной доски, посвященной памяти Героев Советского Союза, размещаемой на фасадах зданий школ, выпускниками которых они были. Ныне в 28 российских регионах и в Приднестровье установлено 2100 памятных знаков [9].

Как уже говорилось выше, исторические мифы в коммеморативных практиках могут представлять не только конкретные события, но и личности. Правда, в коммеморативном пространстве России найдется не так много фигур, память о которых была бы увековечена также «подробно», как о В.И. Ленине. В советский период наибольшую «конкуренцию» в этом смысле вождю Революции составлял А.М. Горький и, возможно, М.И. Калинин.

История страны второй половины XX столетия знает двоих героев, по которым в обществе достигнут коммеморативный консенсус и которые стали символами эпохи, – Ю.А. Гагарина и В.С. Высоцкого. Несомненно, они имеют разные смысловые оттенки. Фигура Ю.А. Гагарина символизирует мощи страны, сильное государство. В.С. Высоцкий воспринимается как символ общественной совести, творчество которого с подтекстом «двойного дна» нарушало цензурные запреты, а его репутация приобретала оттенок крамольности. Мемориальными досками, установленными в различных городах как России, так и стран ближнего зарубежья, отмечены многие страницы жизни этих выдающихся людей, в том числе и «догероической», однако наиболее распространенными сюжетами, отмеченными в памятных знаках, стали посещение какого-либо города, выступления перед трудовыми коллективами, проведение концертов.

Среди «сценариев памяти», реализуемых сегодняшними акторами – будь то государственные структуры или общественные группы, или организации, – немалое место занимает «работа над прошлым», которая предполагает, в том числе, открытие для общества запрещенных ранее тем, в нашем случае – событий и еще в большей степени – имен. Стремясь ввести в официальный и коммеморативный дискурс табуированные в предшествующие десятилетия исторические личности, субъекты памяти стараются закрыть «коммеморативные бреши». Тем не менее зачастую такие попытки приводят к возникновению определенных «полей напряжения» между акторами и основной частью общества. Такая ситуация складывается в случаях неприятия героя памятного знака общественностью или непродуманности локализации и текста мемориальной доски со стороны инициаторов ее установки. Как показывает практика последнего времени, а именно размещение мемориальных досок А.В. Колчаку в Москве (2008 г.) и Санкт-Петербурге (2016 г.), а также К.Г. Маннергейму (Санкт-Петербург, 2016 г.), подходить к решению вопроса об установке памятного знака таким героям в широко доступном общественном месте необходимо с большой осторожностью и аккуратностью.

Заявление министра культуры России В.Р. Мединского на церемонии открытия мемориальной доски К.Г. Маннергейму о

том, что возведение памятников героям Первой мировой войны является попыткой справиться с трагическим расколом в обществе [3], не вызывает возражений. Странно другое – структуры власти не хотят соотносить заслуги того или иного исторического персонажа и конкретные последствия его деятельности для определенного места. Вряд ли в социокультурном пространстве Петербурга – Ленинграда, города, испытавшего ужасы почти 900-дневной блокады, в которой участвовала и финская армия под командованием Маннергейма, будет уместен и приемлем для потомков блокадников памятный знак в его честь.

Примером «работы над прошлым» совершенно иного плана и результата стала гражданская инициатива «Последний адрес», получившая распространение на территории России с 2014 г. Предложенная «снизу», самим обществом, и не вызывающая какого-либо осуждения или отрицания, она имеет целью увековечение памяти о наших соотечественниках, ставших жертвами политических репрессий. На фасадах домов, адреса которых были последними прижизненными адресами репрессированных, устанавливается небольшой знак из нержавеющей стали, форма которого напоминает страничку паспорта с намеренно вырезанной из нее фотографией (автор проекта – арх. А. Бродский) [8].

Нельзя не признать, что проявляющаяся порой заформализованность коммеморативных практик вызывает вполне естественную реакцию общества, выражаемую, например, в создании своеобразных «шаржей», карикатур на «неловко» предложенный государством способ сохранения исторической памяти. Не обходит стороной подобная реакция и создание исторической мифологии с помощью мемориальных досок. Неудачные, чрезмерно растиражированные репрезентации памяти о жизненном пути какого-либо исторического деятеля, особенно плохо знакомого современному человеку по фоновым историческим знаниям, подчас рождает ироничное, если не сказать – саркастичное, отношение в обществе. Тому пример – акция 2014 года «В этом доме свет не гаснет» петербургской стрит-арт-группы «Gandhi» с размещением на фасадах домов 12-ти самодельных фанерных табличек, стилизованных под мемориальные, с описанием историй вымышленных персонажей. Вот текст одной из них: «Во втором

подъезде этого дома в марте 2007 г. Василий Иванович Кабаков признался в любви, но был отвергнут и всю ночь пил коньяк, истратив все оставшиеся до зарплаты деньги». (Петербург, Коломенская улица, 9) [4]. Правда, по словам инициаторов проекта, их задачей явилась попытка преодоления отчуждения простого человека от окружающего его пространства, показа уникальности каждой человеческой жизни.

Таким образом, мемориальные доски как формы коммеморации, обладающие некоторыми особенностями (демократичность исполнения, приближенность к наблюдателю, уникальность расположения), играют важную роль в процессе формирования и поддержания идентичности, могут выступать хранителями и трансляторами исторических мифов. В то же время нельзя забывать, что они являются своеобразным «барометром», позволяющим оценить готовность общества к принятию новых мифов, предлагаемых актором политики памяти.

Литература

1. *Беседина Е.А., Буркова Т.В.* «... был депутатом Государственной думы»: мемориальные доски как знаки коммеморации о деятельности российских парламентариев начала XX века // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная науч. конф. Сб. научн. статей / Под ред. А. Б. Николаева: В 2-х ч. СПб: Издательство «ЭлекСис», 2016. Ч. 2. С. 59-66.
2. *Беседина Е.А., Буркова Т.В.* Мемориальные доски как знаки исторической памяти о Великой Отечественной войне // Патриотизм – феномен российской истории: Мат-лы Международной научно-практической конференции / Под ред. С.К. Бостана, Г.В. Калининой, С.Ю. Каргопольцева, И.Ю. Лапиной и др. СПб.: СПбГАСУ, 2013. С.192-199.
3. В Петербурге демонтировали мемориальную доску Маннергейму. 13 октября 2016 г. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/57ffec5d9a7947836db7bbcd> (дата обращения 30.01.2017).
4. *Галкина Ю.* Стрит-арт-художники Gandhi о мемориальных досках для простых горожан // The Village. 2014. 2 июня. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/direct-speech/144815-intervyu-gandhi> (дата обращения 10.03.2018).

5. Кротков А. Баллада о мемориальных досках // Литературное общество Fabulae . URL: http://ingenia.ru/poems_b.php?id=5494 (дата обращения 15.03.2018).
6. Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 59-96.
7. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
8. Мемориальный проект «Последний адрес». URL: <https://www.poslednyadres.ru/about/> (дата обращения 10.03.2018).
9. Мемориальные доски героям на школах // Российское военно-историческое общество. URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/monumentalnaya-propaganda/monument-45> (дата обращения 31.01.2019)
10. Привалова Л. Согревая сибирским теплом //Ялуторовская жизнь. 2016. 16 августа. С.1.
11. Тихонов В. Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике современной эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92-112.